

„Известия“, Москва,
2 января
1970 г.

ЗРИТЕЛЬ ПОНЕВОЛЕ

Игорь
ГОРБАЧЕВ,
народный
артист РСФСР

Творчество актера — дело серьезное. Но о самых серьезных вещах можно (в этом, право же, нет ничего плохого) говорить в шутку. И вот какую поучительную историю я хотел бы рассказать вам под Новый год.

Разные встречи бывали у меня в этом году. Об одних вспоминаешь с улыбкой, о других — с чувством благодарности к собеседнику, о третьих... Словом, встречи бывали разные. Но такой, как эта, признаться, не припомню.

А случилось вот что. Однажды после спектакля ко мне подошел старичок. Он был из тех интеллигентных ленинградцев, кого и по сей час называют «старыми петербуржцами». Деликатно извинившись за свою назойливость, старичок с похвалой отозвался о спектакле и о моей игре, добавив, что давно следит за мной и рад моим сценическим успехам.

— А еще кто-нибудь из актеров вашего театра выступает в этой роли? — спросил он.

— Да, — и я назвал фамилию артиста.

— Мне очень хотелось бы посмотреть

его. Не знаете ли вы, когда он будет играть?

Повторив вслух дату спектакля, собеседник раскланялся и ушел.

Появился он за кулисами через несколько дней. Я смущенно поздоровался с ним, потому что в этот вечер снова пришлось играть мне: второй исполнитель заменял заболевшего товарища в выездном спектакле.

— Ничего, ничего, — заметив мое смущение, приветливо сказал старичок. — Я еще раз с удовольствием посмотрел вас в этой роли. В следующий раз я увижу на сцене и вашего коллегу, не правда ли? Будьте так добры, назовите поточней день его спектакля.

От третьего появления старичка меня бросило в холодный пот. Испытывая мучительную неловкость, я стал сбивчиво объяснять ему, что второй исполнитель роли накануне спектакля совершенно охрип и мне...

— Полноте, молодой человек, — с ноткой участия в голосе отозвался старичок. — Я вас ни в чем не виню. Но у меня к вам просьба: позвоните мне — вот номер телефона — в день, когда все-таки будет играть другой актер. И нельзя ли сделать так, чтобы мне оставили билет в кассе?

Я был предельно осмотрителен. Старичку позвонил лишь часа за три до спектакля, уверенный в том, что теперь-то уж ничего не случится...

Спустя три часа капельдинеры судорожно проставляли в программках к спектаклю галочку... против моей фамилии.

Как я играл в этот вечер!

Старичок в четвертый раз пришел за кулисы. Вид у него был угрюмый. Выслушав мои невразумительные оправдания, он сухо сказал:

— Ваше поведение меня очень огорчает. Надеюсь, в вас хватит порядочности позвонить мне, когда...

— Когда будет играть мой коллега? — радостно подхватил я.

— Нет, — отрезал он. — Когда заболите вы.